

ПРОЛОГ

...Солнце за окном зенит покинуло и уже подоконник большого коридорного окна осветило. То один из нас, то другой бросал взгляд на часы. И очень часто, хотя все мы умеем время и без часов чувствовать. Сейчас это делалось автоматически и с недовольством в лицах. Стрелки двигались неумолимо, а комиссия все оттягивала начало работы. Они там, за дверями, по причине совсем не майской жары зеленый чай с лимоном пили, им дневальный приносил. Много выпили, скоро, похоже, должны начать в туалет бегать. А мы сидели в коридоре на подоконнике, болтали ногами и ждали. Чего ждали, почему не начинают, непонятно. Может, разбирают дела тех, кто экзамен «завалил»? Из семерых нас трое осталось, кто прошел весь путь. Четверо отсеялись по разным обстоятельствам и в разных условиях. Двоих ФСБ каким-то образом вычислила, одного менты повязали по ориентировке из ГРУ, а последний вообще в какую-то историю влип, «поломал» где-то в захолустном городке местных крутых парней и тоже нечаянно к ментам угодил. Только там его и узнали, а он их «поломать» не решился, и это ему тоже поставили в вину. Если первые трое просто с заданием не справились и им через какое-то время дадут возможность попробовать снова, то последний все концы обрубил. Выказал неумение мимикрировать. Он должен был дать себя избить и не показать, что способен к сопротивлению. Лучше было в травматологическое отделение

больницы угодить, откуда сбежать несложно. А он к ментам в лапы. Но если попал, то выкручивайся всеми способами. На «все способы» он не решился — духа не хватило. Его списали окончательно даже из спецрезерва. И их всех четверых даже не пригласили на оформление результатов. Я слышал, всех уже по бригадам отправили, чтобы солдатами командовали и где-нибудь по Чечне ползали. Решили, на большее пока не пригодны.

А нас на подоконник посадили, ждать. На тот самый подоконник, который за время ожидания из прохладного превратился в горячий благодаря движению солнца и, конечно же, неизбежному для такой ситуации трению.

Когда мы и ждать устали, к нам вышел начальник курса подполковник Заливайко, хмурый и вспотевший, словно он сам экзамен сдавал. В принципе он его и сдавал. То есть мы сдавали, а он отвечал за то, что четверо «завалились». Наверное, досталось подполковнику за излишнюю «мягкость» при подготовке. Два года назад после «мягкости» Заливайко трех парней из ДШБ¹, я слышал, на инвалидность отправили. Это было, когда в Чечне готовилась какая-то совместная закрытая операция спецназа ГРУ и спецназа ВДВ и подготовкой руководил наш подполковник. Мы подготовку все семеро выдержали, но четверо на «маршруте» отсеялись. Я лично считаю, что им просто не повезло. Парни стоящие и были, и остались. Конечно, четвертый только подвел. Неужели десяток ударов вытерпеть не мог. Ради хорошего дела можно даже чужой нож себе по ребрам «пустить». Это просто делается, только реакцию и умение следует показать, и повернуться под удар под нужным углом, тогда рана безопасной будет, хотя и устрашающей.

Подполковник глянул на нас из-под сурово сведенных густых бровей.

---

¹ ДШБ — десантно-штурмовой батальон.

Мы, естественно, с подоконника спрыгнули и по стойке «смирно» вытянулись.

— Потеете? — спросил Иван Палыч.

— Никак нет, товарищ подполковник, — за всех ответил Медвежий Заяц, то есть лейтенант Миша Зайцев. У него язык легкий, всегда старается за всех отвечать.

— Понятно. Это я за вас потею.

— Долго еще, товарищ подполковник, ждать? — Капитан Рустаев боялся на поезд опоздать. Он билет загодя взял, торопится. У него жена вот-вот рожать должна, а врачи предупредили, что у самой жены капитана состояние здоровья не слишком хорошее — сердце подводит. И потому Вениамин вдвойне волновался — и за жену, и за будущего ребенка.

— Ждите. Из Москвы начальство пожалует. По вашу, мать вашу, душу.

И мы ждали дальше. Начальство пожаловало через пятнадцать минут. Это начальство во всех бригадах спецназа военной разведки знали — полковник Мочиллов из диверсионного управления ГРУ. Обычно он боевыми операциями руководил. Если по нашу, мать нашу, душу, то капитан Рустаев напрасно надеется получить краткосрочный отпуск. Коли на «разбор полетов» сам полковник Мочиллов пожаловал, придется его жене рожать без поддержки сильной капитанской руки. И когда эта рука придет жену и ребенка поддержать, неизвестно. Случалось, что отцы семейства возвращались к совершеннолетию детей. Но это редко, и обычно бывает тогда, когда вместе с полковником Мочилловым приезжает кто-то из агентурного управления ГРУ. Тогда операция обещает быть долгосрочной, если не многолетней.

Рустаева и вызвали первым, словно знали, как он торопится. Долго не говорили. Не больше двух минут. Выпускали через другую дверь, чтобы с нами не общался. Когда вызвали меня, третьим и последним по счету, в кабинете уже и лейтенанта Зайцева не было.

Полковник Мочиллов сразу оборвал мой доклад, читая какие-то бумаги. Просто руку с раскрытой ладонью поднял, заткнись, дескать, старлей, не шуми. Без доклада можно обойтись, потому что и без того понятно, что я не капитан Рустаев и не лейтенант Зайцев. Думаю, бумаги читал, имеющие ко мне отношение. Потом очки снял и на меня посмотрел.

— Слышал ты, старший лейтенант, такую крылатую фразу: «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне»?.. Это Черчилль сказал.

— Никак нет, товарищ полковник, с Черчиллем знаком не был...

Полковник хмыкнул на такую вольность. И задал второй вопрос:

— А кто, по-твоему, готовится к войне будущей?

— Разведка, товарищ полковник, — ответил я не задумываясь.

Мочиллов хмыкнул и улыбнулся.

— В принципе ты правильно сказал, а Черчилль ошибался.

— Он в разведке, товарищ полковник, не служил. Он больше по партийно-чиновничьей линии специализировался.

— Он имел в виду ученых. Но разведка тоже обязана думать о войне будущей, хотя в разведке тоже присутствуют свои генералы. Что я тебе могу сказать. Испытание вам всем семерым давали двойной сложности, если не тройной. И не случайно. Ты испытание выдержал и поступаешь в мое распоряжение. С сегодняшнего дня, с сего часа, с сей минуты. И будь готов к новым испытаниям... Они будут уже не учебными и многократно более сложными...

— Я готов, товарищ полковник.

Мочиллов размашисто расписался на последней странице многостраничного документа, решая мою судьбу.

— В «индивидуалке» впервые, значит, работать будешь. И псевдонима у тебя пока нет...

— Нет, товарищ полковник.

— Придумай что-нибудь запоминающееся. И в то же время невзрачное. Только не «Агент 007», пожалуйста.

— Агент 2007, — подсказал один из членов комиссии.

— Почему? — спросил полковник.

— Выпуск 2007 года.

— А что, годится, — согласился Мочиллов. — Ты сам не возражаешь?

— Никак нет, товарищ полковник.

— Добро. Татуировку с оперативным псевдонимом во всю грудь делать не будешь?

— Никак нет, — я улыбнулся предположению полковника.

— А что смеешься, несколько лет назад был случай. Новоиспеченный агент не постеснялся. Только не на груди, а на плече. А на другом, как оказалось, у него «летучая мышь»¹ была.

— Я, товарищ полковник, не любитель татуировок.

— Тогда иди в штабной корпус, получай документы, а потом своего инструктора найди. Дежурный подскажет. Капитан Русаков введет тебя в курс дела.

— Извините, товарищ полковник, за любопытство. А что стало с тем любителем татуировок?

Полковник хмыкнул себе под нос.

— Когда нынешнюю операцию благополучно завершим, причем с положительным результатом, я тебе расскажу. Это для тебя стимул хорошо сработать. Иди к капитану Русакову...

---

¹ «Летучая мышь» — эмблема спецназа ГРУ.

На столе полтора десятка различных папок с документами. Все разложены аккуратно, симметрично, чуть не по линейке выровнены. Видно, что человек, их раскладывавший, педант и аккуратист. И бумажную работу любит самозабвенно.

— Посмотрите, Агент 2007, что это, по вашему мнению, такое? — Капитан Русаков, мой инструктор, подсунил мне большую фотографию. Вроде бы мимоходом, когда сам другие бумаги смотрел, но я понимал, что «мимохода» при инструктаже не бывает.

Я посмотрел.

— Ядерный взрыв, как я понимаю, — сказал твердо.

Грибовидное газово-пылевое облако позволяло думать именно так.

— Значит, не понимаете, — не согласился он. — Это события августа девяносто девятого года. Дагестанский аул Тандо. Тогда его захватили чеченские боевики. Жители аул покинули, остались только те, кто боевиков поддерживал. Впрочем, в ауле было много исламистов. И около двух сотен чечен. Тогда с «Су-25» на аул была сброшена бомба объемного взрыва¹. Практически все боевики были уничтожены одной бомбой. Заряд объемного взрыва является самым мощным после ядерного.

— Теоретически я это знаю, а видеть не приходи-

---

¹ Действительные события. Была применена бомба с зарядом объемного взрыва «ОДАБ-500ПМ». Использование объемной бомбы имело не только боевой, но и психологический эффект. В последующие дни боевики, только заметив в небе одиночный штурмовик «Су-25», бросались бежать прочь от приблизительной трассы его полета. Появился даже жаргонный термин «эффект Тандо». Американский аналог «BLU-82» Daisy Cutter при применении американцами в Ираке во время проведения операции «Буря в пустыне» вызвал панику среди английского спецназа, наблюдавшего за взрывом издали. Англичане

лось, — я с трудом вспомнил, что слышал кое-что об этой бомбе еще в военном училище на занятиях по «ГрОБу», как мы звали курс гражданской обороны. Кажется, если память мне не изменяет, такое оружие появилось в мире еще в шестидесятые годы прошлого века.

Капитан поднял на меня спокойные, почти ленивые глаза.

— Я догадываюсь, что вы такого не видели. Я тоже, кстати. Это было первое и единственное применение нашей армией данного вида оружия. До этого бомбу только испытывали, но достаточно давно, когда мы с вами пешком под стол ходили. Тем не менее она стоит на вооружении и время от времени модифицируется. И мы начинаем получать от нее первые неприятности.

— Слушаю вас, товарищ капитан, — понял я, что карты выложены на стол, то есть преамбула высказана и сейчас будет сказано основное.

— Недавно при ревизии одного из законсервированных военных складов обнаружено отсутствие двух единиц авиабомб с зарядами объемного взрыва «ОДАБ-500ПМ». Вы можете себе представить, что случится, если такую бомбу взорвать в центре большого города? А это возможный вариант. Найти бомбы следует как можно быстрее, причем не показывая результатов, чтобы взрывные устройства не были приведены в действие раньше времени. Задача чрезвычайно сложная и ответственная.

даже нарушили режим эфирного молчания и сообщили своему командованию, что американцы применили ядерное оружие. Принцип действия бомбы объемного взрыва достаточно прост. Иницирующий заряд подрывает емкость с горючим веществом, которое мгновенно образует в смеси с атмосферным воздухом аэрозольное облако, подрываемое вторым детонирующим зарядом. В принципе в бомбе используется тот же эффект, который возникает при взрыве бытового газа, только многократно усиленный за счет иных, более эффективных, исходных материалов.

Но ради ее выполнения не стоит ни о чем другом жалеть. Следствие закончилось только подозрениями... Есть три рабочие версии. По одной из этих версий вы и будете работать... Под своим именем, со своим званием, как офицер спецназа ГРУ, еще не разжалованный и не осужденный, но находящийся под следствием...

— То есть? — не понял я.

Капитан вопрос не услышал.

— Вы арестованы по подозрению в заказном убийстве уголовного авторитета, — это было сказано так, словно капитан Русаков в этом кабинете представлял собой следака из ментовки и приготовился арестовать опасного преступника. Мне даже как-то не по себе стало от подобной манеры разговаривать, хотя я прекрасно понимал, что это тоже часть введения в задание.

— Я арестован? — Не переспросить я не мог, поскольку еще не привык к сугубо конкретной манере разговора инструкторов.

— Арестованы. Будете арестованы или как там правильно по закону — задержаны. Арест исчисляется с момента предъявления обвинения. Убит уголовный авторитет Мамона. Завтра будет убит. Это, можешь не переживать, не мы. Просто у нас есть информация от ФСБ, что Мамона задел интересы каких-то криминальных структур в Казахстане, не пошел на уступки и его решили ликвидировать. Это не имеет отношения к нашему делу. А мы улики подбросим. Послезавтра вас арестуют. По подозрениям следствия, кто-то из близкого окружения Мамоны был завязан в истории с похищением двух авиабомб с зарядом объемного взрыва. Вам придется бежать, и, волею судьбы, вы обязаны попасть к людям Мамоны. По крайней мере, наладить с ними контакт. Понимаете?..

— И они сразу со мной рассчитываются. Без суда и следствия.

— На этом все и строится. Если бы вы были виноваты,

вы не пришли бы к ним. Для вас сейчас единственная возможность спастись и вернуться к прежней жизни — найти убийцу Мамоны. У бандитов цель та же самая. Потому вы к ним и обратитесь. Они и спрячут от ментов и помогут вам вести поиск. При этом вы должны знать, что у Мамоны и его друзей обширнейшие связи среди ментов и даже среди офицеров ФСБ неруководящего состава. Поэтому для ментов и для большинства работников ФСБ вы представляетесь настоящим преступником. И побег вам предстоит произвести настоящий, следовательно, в вас будут стрелять, вас будут искать, вас постараются уничтожить.

— Все как на экзамене, — сказал я.

— Да, именно по этой причине вы проходили экзамен повышенной сложности. Ваша задача понятна?

— Выжить.

— Это уже ваше личное желание, и меня оно касаться не может. Ваша задача другая — найти две авиабомбы с зарядом объемного взрыва и обезвредить преступников, чтобы подобные похищения со складов не повторялись.

— Я готов, — согласился я на новый экзамен.

— Тогда приступим к конкретному обсуждению. Сразу говорю, что работать вы будете не в полной «автономке», поскольку регион чрезвычайно коррупционный, и коррупция там поразила все органы, начиная от властных структур, кончая силовыми. Поддержку и страховку мы обеспечим, но в пределах разумного.

— Разумные пределы касаются похорон, товарищ капитан? — спросил я.

— Не каркай, — капитан перешел на «ты». — В твоём возрасте и при твоей службе пора бы уже стать хотя бы чуть-чуть суеверным.

Часть I

ГЛАВА 1

1. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

После продолжительного бега с препятствиями в виде заборов разной высоты, сделанных из разного материала и с разным уровнем мастерства или вообще без одного, дыхание все же слегка сбивается. Только слегка, не больше естественного минимума. Я почувствовал это. Но скорее всего сбивается оно не от самого бега и не от преодоления препятствий, а из-за необходимости быть осторожным. Пробежишь участок и замираешь, прислушиваясь и присматриваясь, нет ли кого на следующем участке. Вот во время таких остановок, когда прислушиваешься, дыхание и задерживаешь, чтобы лучше слышать, — сбой физиологически неизбежен. Потом снова бежишь. Дважды даже собаки попадались, пусть на длинной, но, слава богу, на цепи. Собаки эти участки самостоятельно, без людей охраняют. Их только один раз в день кормить приезжают. Может быть, даже раз в два дня — это от хозяев зависит, от их любви к животным, от степени жадности и от уровня лени. Считается, что собака сбережет и имущество, и урожай. При этом никто не задумывается о том, что собаку тоже следует беречь. Не мне, конечно, об этом беспокоиться. Мне было бы лучше, если бы здесь не держали собак вовсе. Но собак издали видно и слышно — они сами себя показывают, поскольку, в отличие от волков и спецназовцев, засад не любят, и избежать встречи несложно. Рядом полно других заборов, которые тоже настойчиво просят, чтобы через них пере-

махнули. Главное, успеть вовремя места достичь, и еще успеть дыхание перевести, чтобы видно не было — этот человек только что бежал стипль-чез¹. А от моего наблюдательного пункта на дереве, откуда дорогу и пост ГИБДД хорошо было видно, до нужной скамейки — три километра. Дистанция вполне спортивная и не слишком утомительная. Расстояние меньше стандартного, хотя препятствий больше. Я преодолел ее с неплохим результатом и отдышаться успел. Тренировка сказалась. Я эту дистанцию, ради испытания, вчера дважды преодолевал с секундомером в руке, а потом один раз, когда уже нужную машину заметил, преодолевать не стал, потому что в машине, которую остановили на посту, было два человека, мужчина и женщина, а встреча с двумя людьми не входила в мои планы. Я тогда оставил скамейку отдыхать без тяжести моего тела. Мне только один из них нужен был. К сожалению, только мужчина...

Сейчас же мужчина был как раз один. Он приехал поливать сад.

* * *

Сам я давно знаю, что привычка просто так носить с собой оружие никого и никогда не доводила до добра. Тем более если тебе оружие по закону не полагается, то есть если оно не называется официально табельным. Я бы даже сказал ему это открыто, но такие навязчивые откровения пока не входили в мои планы. Впрочем, в мои планы очень даже входило его появление так, казалось бы, не вовремя. Я даже бежал специально, чтобы успеть до момента его появления. И вся эта кутерьма завязала

---

¹ Стипль-чез — стандартная легкоатлетическая дистанция в 3,5 км, бег с препятствиями по кругу стадиона с преодолением барьеров и ямы с водой.

лась тоже специально для нашего неназойливого знакомства, и обязательно по его, естественно, инициативе. После всей окружившей меня кутерьмы эта инициатива в том или ином проявлении неизбежна. Интересно, во сколько обходится городу эта кутерьма, которая всех, грубо говоря, «на уши ставит»?.. И тех, кому положено покой прочих охранять, и даже прочих, чей покой первые якобы охраняют. Перекрыть полностью город с полутора миллионами жителей непросто. И недешево, наверное. А перекрыли плотно, по мере сил и возможностей, поскольку на ментов сильно давит уголовный мир, который не любит, когда его авторитетов жизни лишают. Это давление иногда может быть сильнее любого иного давления, потому что уголовный мир в лице самых ярких своих представителей с властью слился или даже стал частью ее. Следовательно, уголовный мир и через власть давит тоже. А в практической своей деятельности менты именно власти подчиняются. Не закону, как должно было бы быть, а только власти, то есть и уголовному миру в том числе.

Этот тип с пышными запорожскими казачьими усами и животом, как на знаменитой картине Репина, где усы и животы так светятся, что затмевают весь смысл письма турецкому султану, явно не имел права носить оружие по закону, несмотря на собственный вес килограммов под сто тридцать. Впрочем, вес тела не является синонимом веса в обществе. Но он все равно права не имел. Я это понял уже по тому, как он по сторонам посмотрел, прежде чем пистолет из подмышечной кобуры вытащить, — не видно ли за невысокими заборами соседей, да и по тому, что за оружие он в кобуре носил, тоже можно было догадаться. Те в нашей стране, кто имеет право оружие носить, такого оружия, как правило, не имеют. Да и лицензию на оружие человеку с такими татуированными руками никто не даст — надежды и доверия его внешность не

вызывает не только у прохожих, но и у ментов в разрешительном отделе. А они еще и в досье иногда заглядывают. Однако все мои умозаключения — просто обычная практика, своего рода тренировка, чтобы автоматически сработало при необходимости. И не надо все это вычислять, а вычисляешь. Мне не надо было, потому что кое-что я о нем знал, то есть я много о нем знал и ждал персонально его, основательно подготовившись к разговору.

Тем не менее наличие у него пистолета явилось для меня неожиданностью. Не все я, видимо, знал. По предоставленной мне информации, у него не должно было быть пистолета, поскольку временно почти законопослушные граждане пистолеты обычно не носят. Но пистолет есть, и дело стоит корректировать на бегу. Я скорректировал. Правда, не на бегу, а уже остановившись и успев дыхание восстановить. Но одновременно же наличие пистолета вселяло надежду, что объект просчитан почти правильно и он меня не «сдаст». Вариант «сдачи» тоже предусматривался. Тогда операция имела возможность благополучно провалиться в самом начале. Но мне тогда предстояло выпутываться самостоятельно. Естественно, в разумных пределах. Чуть дальше, когда я из разумных пределов выберусь, мне помогут и прикроют. Но в любом случае пресечение операции нежелательно. Обидно это было бы.

Теперь у меня появились более веские основания рассчитывать, что он не «сдаст».

Он меня увидел, успел рассмотреть как следует и только после этого оружие достал. А я продолжал лежать на скамейке в его, насколько мне было известно, саду, прячась под тенью яблони, и даже ноги при приближении хозяина на землю не поставил.

— Ни хрена себе. Какого ты здесь? — красноречиво поинтересовался он довольно высоким для своего тела голосом и почесал стволом пистолета нос. Хорошо хоть,

пистолет с предохранителя не снял, что я сразу отметил, а то мог бы человек и без носа остаться, а винил бы потом меня.

— Видишь же, отдыхаю, — ответил я без затей, но с легкой насмешливой хрипотцой в голосе. От жары жабры сводило, да я еще бегал в такую погоду, потому неосторожно хлебнул холодной колодезной водички, горло и перехватило. У него здесь, в саду, колодец глубокий и ведро на звонкой цепи. Пока ведро воротом вытягиваешь, весь слюной изойдешь и язык от сухости трещинами покроеется. Но я, к счастью, к ангине склонности не имею и знаю, что хрипотца пройдет скоро. Да и ведро с водой я вытащил час назад, чтобы вода слегка прогрелась. Она, правда, все равно еще оставалась холодной, отсюда и хрипотца.

Он ждал иной реакции, поигрывая стволом и словно бы поторапливая события. Но я ничуть не смутился присутствием пистолета в его руке. А он, видимо, на внешнюю внушительность девяносто второй «беретты»¹ сильно надеялся и потому даже чуть-чуть растерялся — мелкие глазки часто заморгали. Это порой случается, когда большие надежды не оправдываются. Растерянности я, говоря честно, от него не ожидал, исходя из его психограммы, основанной на конкретных фактах биографии. Согласно моим представлениям, он должен быть человеком более решительным. Впрочем, это могла быть не растерянность от моей реакции, а растерянность от узнавания меня. Отреагировать он был обязан, но не знал, как себя вести дальше. Неподготовленным оказался к любому последующему шагу.

---

¹ «Беретта-92» — мощный пятнадцатизарядный пистолет армейского образца калибра 9 мм, имеет двухрядную обойму, состоит на вооружении в Италии, США, Израиле, Египте и ряде других стран. Считается одним из лучших армейских пистолетов в мире.

— Что, уже и отдохнуть уставшему человеку нельзя?.. — добавил я намеренно равнодушно, но наблюдая за его поведением достаточно внимательно.

Усатый мужчина осмотрелся по сторонам, проверяя, не видит ли кто нашу беседу. Но я еще раньше проверил — в соседних домах, как и в соседних садах, несмотря на изнуряющую жару, пусто. Казалось бы, бежать из города на свежий воздух надо так, чтобы лопатки судорогой сводило. Но люди бегают сюда только по выходным. В остальное время предпочитают дышать выхлопными газами и прочей городской гадостью, которой здесь, в промышленном центре, в воздухе больше, чем чего-то хорошего. И плачутся при этом, что работа их на природу не пускает. Бросать надо без жалости такую работу. В бега, в бега, как я, подаваться следует. На природу.

— Так че ты?.. — спросил усатый с легким возмущением и при полном непонимании ситуации и вопросительно животом пошевелил, как другой бы голову вздернул. — Так и будешь тут, братан, скамейку мне давить?..

Его красноречие, говоря откровенно, поражало.

— Ты же в дом не приглашаешь, — я стал скромно напрашиваться в гости. Я вообще человек от природы скромный, в других наглость не люблю и в собственном поведении без необходимости ее не поощряю.

— Ну, коли так, дык заходи, что ли, — он оказался, по большому счету, не злым человеком и, может быть, даже мне посочувствовал, если догадался о чем-то. А догадаться было нетрудно, поскольку ехал он сюда на новеньком «мерине»¹, из которого только что вышел, и ехал обязательно мимо ментовских постов. Он никак не мог проехать, минуя эти посты. Он не проехал мимо них, потому что я своими глазами видел в бинокль, как его остановили. Увидел, повесил бинокль на ветку дерева, откуда его

---

¹ «Мерин» — «Мерседес».

завтра моя «страховка» снимет, если он мне самому не понадобится — бинокль хороший и дорогой, стоит, как машина, потому что с тепловизором, и побежал.

Усатый еще раз осмотрелся вокруг. Не любит, как и я, посторонних взглядов — и я это в глубине души очень даже одобряю. И после этого показал стволом пистолета на дверь дома, приглашая и путь указывая.

— Встать помоги... — мой голос обрел требовательность. — Мне спину прихватило...

— Молод еще, кажись, со спиной маяться, — оценил он мой возраст. Внешне — лет на пятнадцать его моложе.

— Со спорта травма. Это на всю жизнь.

— Знакомо... — если он спортом и занимался, то не иначе как тяжелой атлетикой. Конечно, в супертяжелой весовой категории. Не люблю тяжелоатлетов. У них голова тяжелая. Все кулаки отбить можно, не добившись результата. Один мой знакомый две бутылки шампанского о голову тяжелоатлета разбил, а голове хоть бы что. А ведь бутылками из-под шампанского можно гвозди забивать.

Усатый перехватил пистолет в левую руку, а правую мне под спину подсунул. И легко заставил сесть. Этого я и добивался. Коротко ударил локтем в челюсть и перехватил оружие. «Беретта» тут же уперлась ему в живот, и предохранитель угрожающе громко щелкнул. Манипуляции с оружием оказались не напрасными, поскольку мой предваряющий эти манипуляции удар не произвел на усатого ровным счетом никакого впечатления. Могу спорить — тяжелоатлет!.. Другого бы я обязательно свалил, потому что ударил жестко и резко и попал точно.

— Ну, ты, дурень, даешь, — он только после этих слов понял, что его пистолет уже в моей руке, чему несказанно удивился. А подбородок все-таки с силой потер — значит, он у него не каменный. — И чего?..

— Да почти ничего.

Он некоторое время раздумывал, прикидывая цели,

которые могли бы быть достигнуты моей неоправданной атакой.

— Машину тебе, что ли, хочется, дык она тебе ни к чему, — он показал, что прекрасно понимает, кто перед ним. Уже этими словами показал, что знает, как опасно мне появляться на дороге. Как опасно мне вообще на открытом месте появляться.

— Совершенно ни к чему, — я легко согласился, и так же легко встал на ноги, и помощи больше не просил. — Пойдем в дом.

— «Замочить» хочешь? — спросил он, впрочем, без особого испуга.

— Хотел бы, «замочил» бы уже здесь. Какая мне, на хрен, разница.

Усатый животом недоуменно пошевелил, как другой пожал бы плечами.

— Ну, дык пойдем.

Еще раз по сторонам посмотрел, вздохнул глубоко и двинулся к дому первым. Ключ на связке со многими другими ключами он искал долго, но все-таки нашел, после нескольких поворотов дверь распахнул почти гостеприимно, но негостеприимно вошел первым и сразу двинулся в глубину своего большого дачного дома, словно показать желал, что он за дверью не спрятался и не нанесет удар из-за угла, то есть из-за косяка. Это показалось мне достаточно уважительным отношением, и вполне вероятно, что он знает больше, чем могли сообщить ему менты при проверке на дороге.

Что менты спрашивают при проверке на дороге — общеизвестно. Останавливают машину, интересуются, есть ли в машине посторонние. Причем стандартный вопрос задают даже тем, кто в одиночестве едет. Меня самого так в прошлом году останавливали, когда я один ехал. И спросили. Я тогда даже в форме был. И сообщил, что роту солдат в багажнике везу. Шутку не поняли и не оценили, но документы не проверяли. Дело было недалеко от

расположения нашей бригады, и к офицерам бригады менты относились с уважением и с опаской. А если пьяный им попадался, всегда старались отвернуться, даже если пьяный их к себе звал. Просто были случаи для ментов нелицеприятные. Вернее, для их лиц неприятные, а нелицеприятными их считали для наших офицеров, которые не желали лица ментов беречь...

Я вошел и сразу за порогом осмотрелся, словно был тут впервые. И даже постарался усилием воли любопытство в глазах зажечь. Но я еще вчера вечером дом осмотрел основательно и подготовил его для разговора. «Жучки» поставил не только в самых популярных местах, но даже в подвале, где есть одна бетонированная комната, очень удобная для содержания пленника. Это на случай, если дело не так пойдет, как следует, — я доверия не вызову и меня каким-то образом туда запрут. Чтобы иметь пусть одностороннюю, но связь. Впрочем, из всех других мест дома информация тоже доходить будет. Машина с «прослушкой» стоит недалеко, на посту ГИБДД, оправдывая свое присутствие тем, что офицеры нашей части вместе с «гиббонами»¹ дежурят, чтобы опознать меня, если я появлюсь. Если даже появлюсь, естественно, никто не опознает, но для ментов помощь армии в этом случае важна. Кто знает, люблю я носить парики и накладные бороды или не люблю. Я-то, конечно, этого не люблю, но менты подозревать меня в желании изменить внешность тоже полное право имеют.

* * *

— Тебе пива или чай?

— Чай из холодильника, — сказал я. И тут же поймал себя на том, что чуть было не «завалился», чуть было не

---

¹ «Г и б б о н ы» — жаргонное прозвище сотрудников ГИБДД.

показал, что даже содержимое его холодильника изучил, хотя ничего и не тронул. Но успел поправить ситуацию, переведя знания в неуверенную просьбу. — Если тебе не трудно, завари и в холодильник поставь бутылочку. Лучший зеленый. Зеленый чай имеется?

— Имеется.

— Так в Южной Америке чай пьют. Кофе — горячим, чай — холодным, — я ненавязчиво объяснил то, что он, наверное, и без меня слышал. Если бы не слышал, то не держал бы в холодильнике чай.

— Был там, что ли? — поинтересовался он.

И легенды о спецназе ГРУ он тоже слышал. В легендах рассказывается, что спецназ ГРУ по всему свету воюет, чуть ли не в Антарктиде на стороне одних пингвинов против других пингвинов. В действительности такое положение вещей было только при Советском Союзе. Как только в какой-то стране начиналась очередная пингвинья заварушка, наших спецов сразу отправляли туда. Сейчас же подобные командировки — редкость и удача для любого офицера спецназа.

— Нет, только читал, — я проявил соответствующую случаю скромность. — И жена у меня дома так же делает. Я ее научил.

— У тебя того... — проявил он интерес. — Жена-то где?

Проявил сочувствие. Это уже хорошо.

— Дома, — я сказал чистую правду. — Или на работе. Но, скорее, дома. Она иногда дома работает. Дай «мобилу», если не жадный.

Маленькие глазки-буравчики посмотрели на меня недобро. Жадным он, похоже, не был, разве что слегка жадноватым. Но мобильник из нагрудного кармана пропитанной потом рубашки все же вытащил и протянул.

Я набрал номер. Это предусматривалось планом. И даже предусматривалось, что я наберу не номер мо-

бильника жены, а именно номер домашнего телефона. Трубка номер зафиксирует. Возможно, попытаются ее «достать». Через номер несложно вычислить домашний адрес. Жену прикрывают попарно опытные офицеры нашего батальона. За ее безопасность в этом случае можно не беспокоиться. Но если «доставать» ее будут, это тоже может дать в руки след. Дополнительный... Хотя вовсе не обязательно, что след этот приведет именно туда, куда следует.

Татьяна ответила быстро.

— Слушаю.

Она у меня научилась отвечать. Раньше всегда говорила традиционное «Алло!», теперь говорит строго по военному «Слушаю». Почти как дежурный по штабу, только звания не называет и не представляется по всей форме, как положено: «Старший прапорщик Бравлинова».

— Привет, это я.

— Сережа! Что с тобой случилось?

— Не буду объяснять. Что бы тебе ни сказали про меня плохого, не верь. Это ошибка. Скоро все выяснится.

— Ты где? Тебя уже дома искали. Ко мне менты приходили, спрашивали про всех твоих знакомых. Я назвала тех, кого ты уже почти забыл.

— Вообще никого называть не надо было.

— Я только тех, у кого ты точно не появишься.

— Все равно. Просьба только одна — не верь никаким обвинениям в мой адрес.

— Я и так не верю.

— Ладно, мальчишке привет. Я с чужой трубки звоню. Не буду чужие деньги тратить. Целую. Не переживай, все образуется.

— Береги себя.

Я отключился от разговора и вернул трубку хозяину.

— И что ты делать собираешься? — спросил усатый откровенно.

— Ты знаешь, кто я?

Он хмыкнул.

— А кто ж не знает. Твою фотографию по три раза в день по телевизору показывают. На моей памяти такой облавы еще ни на кого не устраивали.

Откуда-то с улицы донесся звук автомобильного двигателя.

— К тебе кто-то? — спросил я, показывая стволом пистолета на окно.

Он громко цыкнул, обозначая свое недовольство и непонимание. Гостей он, похоже, не ждал и не готов был радостно раскинуть руки при их появлении. Я не желал бы пока принимать его гостей тем более, но уже по собственным причинам.

— Соседи вроде сегодня не должны, — сказал усатый и пузатый и к окну подошел. — Ничего себе. Какого им тут. Менты едут.

— К тебе?

— А что им у меня делать. Я ментов не вызываю.

Я подошел к другому окну и осторожно выглянул. Ментовский «уазик» ехал неторопливо по улице среди коллективных садов. Похоже, скорость обуславливалась тем, что менты по сторонам посматривали. Урожай в конце мая собирать рано, высматривать, что стащить, — бесполезно, и на этом основании я сделал вывод, что и здесь меня ищут. Но на дверце «уазика» красовалась надпись «ДПС», то есть дорожно-патрульная служба. Это слегка разочаровывало, но и заставляло задуматься. Хотя использование такой машины может быть простой маскировкой.

— Могут к тебе и заглянуть, — я поднял пистолет.

Появление ментов в планы не входило и хорошего обещало мало. Убивать я никого, естественно, не собирался. Придется, в случае чего, просто бить, и бить жест-

ко. Но это может разрушить подготовленный и уже разрабатываемый вариант.

— Машину увидят, остановятся обязательно, — сказал усатый. — Я выйду, поговорю.

Я посмотрел на него тяжелым взглядом. Глаза в глаза, взглядом диктуют необходимое поведение. Я умею взглядом диктовать поведение. Есть у меня такая отработанная и действенная способность.

— Не боись, не сдам. Я не ихний.

— С тебя тоже тогда за ствол спросят, — пообещал я, слегка растягивая свою речь, чтобы она была более внушительной и авторитетной. — И еще могут в мои сообщники записать, если я что-то не так скажу. Выходи сразу.

— Не боись, я сам с детства не люблю тех, кто «стучит», — сказал усатый.

Не знаю, взгляд он прочитал или сам такой.

Но мне он нужен именно таким, и никаким другим.

2. КАПИТАН ВЕНИАМИН РУСТАЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

В машине было жарко, и не было поблизости никакого навеса, чтобы под него переехать. Если с утра мы стояли в тени дерева, то теперь эта тень на проезжую часть вышла, а там не остановишься. И мы менялись чаще не потому, что трудно было на солнце дежурить, а потому, что было душно в машине сидеть. А сидеть приходилось. Нас четверо сюда было поставлено, и попарно дежурили вместе с «гиббонами» — проверяли выезжающие из города машины. Одна пара проверяет, другая на «прослушке» сидит. Естественно, «гиббоны» о «прослушке» не подзревали. Нам пока делать было особенно и нечего, и мы даже иногда втроем на дорогу выходили. Одного все равно в машине оставляли, чтобы ждал любого сообщения, даже не от Агента 2007, а от руководства операцией.

От Агента 2007 сообщений поступать пока и не должно было, поскольку дорогу мы контролировали, и только мимо нас мог проехать человек, которого Сережа дожидается. И мы больше этого человека ловили, чем на остальные машины посматривали. И поймали-таки. Портреты мужчины средних лет из черного «Мерседеса-280» были у каждого в кармане. Анфас, в профиль, при животе и усах, в машине и без машины, да и номер машины мы выучили наизусть. Как раз я на дороге был, когда этот «мерс» подъехал. И подал условный сигнал. Снял бандану¹ и платком коротко стриженную голову вытер. Это невооруженным глазом видно, но у Сережи бинокль имеется, для рассматривания подробностей.

«Гиббоны», что с нами работали, попались толковые, несуетливые, свое дело знали и, вопреки всем традиционным сплетням, слишком к водителям не придирались и откровенных поборов не устраивали. Так обычно и бывает — несколько ублюдков в службе заведется, и по ним обо всех остальных судят. Хотя, насколько я знаю, вся репутация «гиббонов» из Москвы идет. Москвичи вообще народ особый, не только «гиббоны». У них многое на подобных взаимоотношениях складывается, и потому их вся Россия не любит. И «гиббоны» там такие же — продукт столичного общества. В провинции, где совести у людей, как правило, больше, проще. Я по России много поездил. И кроме Москвы еще разве что в Башкирии нарывался на вымогательство взяток. Во всех остальных местах, сколько ни останавливали, дело обходилось выписанной квитанцией на оплату штрафа, если было за что, и все. Да и то не всегда, часто просто разговором дело ограничивалось. Ну и, естественно, проверкой документов.

---

¹ Бандана — косынка, в данном случае, камуфлированная косынка, предмет военно-полевой формы одежды спецназа.

В нашем случае ребята из ГИБДД имели еще подкрепление в виде двух пар из местного ОМОНа. Эти пары тоже менялись, как и мы. Но в такую жару поток машин был большим только с утра. К середине дня суета на дорогах прекратилась — желающих выехать за город было, как ни странно, мало. Но нам жара работать не мешала, хотя тоже лень пробуждала.

* * *

Едва мы пропустили «мерс» с усатым и пузатым мужчиной, не забыв проверить и его багажник, к посту другая машина подкатила и через сплошную линию разметки под носом у «гиббонов» наполовину в тень будки забралась, чуть не вплотную к машине хозяев остановилась. Так только свои ездят, сразу понял я, и не ошибся. Из машины вышел скуластый и почти лысый, костлявый и весь состоящий из одних углов человек в гражданском, потянулся, показывая пистолет в подмышечной кобуре, и к нам направился. Козырять удостоверением не стал, просто скороговоркой представился:

— Капитан Севастьянов, городской уголовный розыск.

Омоновец, стоящий к капитану ближе других, тем не менее смотрел подозрительно, ствол тупорылового автомата держал наготове и чего-то ждал.

И только после этого Севастьянов удостоверение старшему лейтенанту показал. Тот мельком взглянул и кивнул:

— Чем можем?..

Капитан кашлянул в кулак, прочищая горло.

— Тем и поможете. Я сообщение получил. Здесь неподалеку, в садовом товариществе, незнакомого человека издали видели. Бегом бегал, через заборы, собак дразнил. Описать не смогли. Фотографию по телевизору не

видели, слышали о беглеце сообщение по радио. Позволили на пульт дежурному.

Вот и началось. У Сережи Бравлинова основательный прокол. Но это не его вина. Когда план просчитывали, там было возражение как раз со стороны самого старшего лейтенанта Бравлинова. Насчет пробежки на время, чтобы знать, за сколько он дистанцию преодолееет. Основания простейшие — когда бежишь, самому постороннего человека заметить трудно. А если он в грядках копается, а потом, услышав, что кто-то бежит, голову поднимет? Просто со спины посмотрит, сам оставаясь невидимым. Возражение не приняли, посчитав ситуацию маловероятной. Значит, не зря нас в подстраховку выставили, хотя Медвежий Заяц и проявлял по этому поводу недовольство. Ему не нравилось бесцельно на посту вместе с «гиббонами» отдыхать. Вот теперь уже получится, что не бесцельно.

— И что? — спросил старший лейтенант.

— Проверить сигнал надо. Мне бы пару человек.

Из будки «гиббоновский» майор вышел, со спины пошел как раз в нужный момент.

— У меня у самого там сад. Там казаки охраняют. Ребята серьезные, все из наших бывших сотрудников, посторонних отлавливают и в полном соответствии с казачьими традициями крапивой по заднице. А потом неделю работать заставляют. Бомжей быстро от визитов отучили, да и другим неповадно.

— Человек, которого мы с вами ищем, совсем не бомж, — сказал капитан.

— Если казаки пожелают его крапивой наказать, нам придется в дополнение ко всему искать могилы этих казачков, — добавил Миша Зайцев.

— Он, кстати, при побеге оружия не взял, — напомнил капитан. — Конвойные были вооружены пистолетами, он растерялся и оружия не захватил.